

ПАСХАЛЬНОЕ ЧУДО

ПАСХАЛЬНЫЕ
РАССКАЗЫ
•
РУССКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

РИПОД
КЛАССИК

УДК 82-32
ББК 94.3
П19

*Допущено к распространению Издательским советом
Русской Православной Церкви ИС Р18-719-0691*

П19 **Пасхальные рассказы русских писателей.** — М. :
РИПОЛ классик. — 304 с. — (Пасхальное чудо).

ISBN 978-5-519-64036-7

Пасха — это праздник праздников, торжество победы жизни над смертью. На всем протяжении великих, святых, таинственных пасхальных дней душа наиболее открыта для веры, преображения, радости. Это — самое лучшее время, чтобы проявить к своим родным и близким любовь и внимание.

Испытать восторг и счастье, которые неизменно сопровождают светлый праздник Пасхи, вам помогут яркие, жизнерадостные, теплые и трогательные рассказы русских писателей!

УДК 82-32
ББК 94.3

ISBN 978-5-519-64036-7

© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

А.Н. Муравьев
Пасха в Кремле

Доколь стоит Капитолий, будет стоять Рим; доколь стоит Рим, будет стоять и вселенная! Так выразилась древняя пословица о всемирной державе Римской. Столь же пламенное, но освященное верою Христовой чувство любви к земной своей родине невольно наполняет сердце и, от избытка сердца, изливается устами русского: «Доколь стоит Кремль, будет стоять Москва; доколь стоит Москва, будет стоять Святая Русь, а с нею и Православие!» И не напрасно еще древние летописцы наши называли Первопрестольную столицу, наследовавшую славу Царьграда, третьим Римом. Стоит только ступить на священную высоту Кремля и окинуть изумленным взором живописную окрестность, дабы не только чувствовать, но и верить, что здесь воистину сердце Руси, ибо от сего дивного средоточия разбегаются во все ее оконечности благословенные ее пути из-под соборной сени древних святилищ и сюда опять стекаются они, от всех неизмеримых ее пределов, как обращение крови в теле человеческом жилами сосредоточивается в сердце. Потому так сильно и бьется оно, когда при-

ближается к сему заветному сердцу всея Руси, которое само с нежностью материнскою бьется для каждого из сынов своих и всегда готово отозваться на каждый зов их, принимая живое участие в их сердечной радости и горе.

Этот Кремль, столько раз виденный мною и в красноречивом его безмолвии, и в благолепии духовных его торжеств, теперь впервые случилось мне видеть в священные дни Страстной недели и Пасхи, когда он облачается всем своим заветным величием и еще сильнее говорит душе, потрясенной воспоминаниями о распятом и воскресшем Господе. Еще исполненный сих впечатлений, пишу тебе, любезный друг, чтобы передать их тебе во всей свежести и вместе с тем пожалеть, что до сих пор ты добровольно лишал себя сего наслаждения духовного; и сколько из нас, проведя всю свою жизнь подле своей родной святыни, так и сойдут в могилу, не любопытствовав даже, что совершается внутри сего дивного Кремля в священную ночь Пасхи и о чем так торжественно гласит он стоязычным звуком своих колоколов...

Вот приблизилась заветная ночь! Я желал насладиться ею во всем ее величии, внешнем и духовном, и поспешил в Кремль. Вместе с бывшим владельческим князем сербским Михаилом, который посетил древнюю столицу нашу с той же церковной целью и утешался в ней торжеством Православия, мы взойшли на балкон Малого дворца, чтобы окинуть взорами все Замоскворечье. Картина сия была до-

стойна изумления. Багровая луна, только что поднявшаяся из-за небосклона, висела, как яблоко, на юго-восточной башне Кремля, слабо освещая обширную панораму, которая развивалась перед нами; в сумраке нельзя было ясно различить предметов, но темные бойницы обозначали кремлевскую ограду. На бесчисленных колокольнях Замоскворечья начинали мало-помалу загораться огни, знаменовавшие светлое торжество: на каждой из них, даже до дальней колокольни Симонова монастыря, сияли сии пасхальные венчики, своенравно рассеянные в воздухе по разнообразной высоте башен. С того возвышения, где мы стояли, глаза наши разбежались во все стороны, и нельзя было определить, какая, собственно, стихия колебалась перед нами в сумраке, вся проникнутая яркими огнями. Казалось, еще тысячи звезд зажглись в воздухе, и только багровый огонь отличал их от небесного света настоящих светил; казалось, звездное небо отразилось в некоем море, внезапно подступившем к священной ограде Кремля, на место убогой его реки. Исполн кремлевский уже был увенчан огненным двойным венцом, освещая вокруг себя обступившие его соборы.

Посреди таинственной тишины сей многоглазгольной ночи внезапно с высоты Ивана Великого, будто из глубины неба, раздался первый звук благовести — вещей как бы зов архангельской трубы, возглашающей общее воскресение; но теперь она возвещала только восстание одного Божественного

мертвеца, который поправил смертью смерть. И вот при первом знаке, данном из Кремля, мгновенно слышались тысячи послушных ему колоколов, и медный рев их исполнил воздух, плавая над всей столицей; она была объята сим торжественным звоном, как бы некоей ей только свойственной атмосферой, проникнутой священным трепетом потрясаемой меди и радостью благовестуемого торжества. Слышало ухо и не могло насытиться сей дивной гармонией будто бы иного, надоблачного мира; смотрело око и не могло наглядеться на зрелище священных огней, горевших в небе, а сердце человека не могло вместить в себя всей духовной радости — примирения неба и земли.

Но время было спешить в Успенский собор для божественной службы. Уже внесена была мертвенная плащаница в алтарь при пении погребального канона Великой субботы. И вот исходит из алтаря Святитель в светлых ризах, с сонмом священнослужителей, поющих: «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангелы поют на небесах, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить». Ангелы уже поют Воскресение, земля же еще безмолвствует, ибо к нам позже пришла сия радостная весть от ангелов. Как бы исполненные их видением в алтаре, где положена плащаница вместо нового гроба на престол, исходят, в чине ранних мироносиц, священнослужители; вне храма разрешится устами их великая тайна, ибо теперь еще знаменуется во мраке таинственное сошествие во ад Господа для изведения

душ праотцев. При гласе всех колоколов Кремля, со всей заветной святыней собора и с животворящим крестом в руке митрополит обошел соборный храм, и вся площадь кругом его, исполненная народом, обратилась в один храм: как будто расступились вековые стены трех смежных соборов и они соединились в одно святилище, осененное вместо купола звездным небом. В ту же минуту совершалось шествие вокруг Архангельского и Благовещенского соборов, на той же площади, горевшей бесчисленными огнями, и не погасла ни одна свеча в руках народа — такая тишина царствовала в воздухе. Нет слов на языке человеческом, чтобы выразить сие таинственное безмолвие, исполненное чаянием оживающей земли. Когда же, в знамение Светлого воскресения, владыка раздал свечи своим сослужителям у западных врат и, осенив врата знамением креста, впервые возгласил: «Христос воскрес!» — при громком пении сего торжественного гимна отверзлись заключенные врата; казалось, Восток свыше осиял всех изнутри ярко освещенного храма; все устремились вовнутрь его, как бы в тесные врата Небесного царства, уже отверстого для нас на земле; немой восторг проговорил слезами, и два только божественных слова: «Христос воскрес!» — могли выразить тайну неба и земли.

Кто не видал пасхальной утрени в кремлевском соборе, не может представить себе всего величия сей церковной службы, сколь ни возвышенна она сама по себе и при малейшем благолепии. Кремль

для нее создан, и она — для Кремля, ибо здесь благоприятствует и местность, и святыня, и самый глас Ивана Великого, звучащий неземным. Торжественны были каждения митрополита и после него двенадцати архимандритов и пресвитеров при каждой песни пасхального канона с непрестанным приветствием: «Христос воскрес!»; умирительно целование их с властями и народом, и назидательно слово Златоуста, приглашавшего к общей радости, которое произнес владыка вместо самого Иоанна: «Аще кто благочестив и боголюбив, да насладится сего доброго и светлого торжества; аще кто раб благоразумный, да внидет, радуясь, в радость Господа своего». Где, в какой Церкви есть что-либо подобное торжеству сему, вполне достойному дивного события? Бледен Рим с его внешней картинностью папских служений, из числа коих исключена пасхальная утренняя! И протестанты, чуждающиеся всего внешнего в Церкви, чувствуют сиротство свое в сию великую ночь Пасхи и притекают в наши храмы искать того утешения, которого сами себя лишили.

Три часа спустя после утрени началась литургия, не менее торжественная по благолепию утвари церковной и числу священнослужителей и усердию народа, наполнявшего храм. При звуке колокола Евангелие возглашалось в алтаре всеми архимандритами и пресвитерами и четырьмя диаконами в церкви, по четырем странам света, как бы во услышание всея Руси из ее первопрестольного собора; оно читалось